

ГЛАВА 3. НРАВСТВЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ТРЕБОВАНИЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЭТИКИ ЛИЦ, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩИХ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ

§1. Проблемы определения следственной этики и ее места в системе профессиональной этики

Успешное разрешение любого поставленного вопроса невозможно без раскрытия и исследования его методологических основ, поэтому анализ нравственных начал уголовного судопроизводства на стадии предварительного расследования предусматривает обязательное рассмотрение основных проблем, связанных с определением предмета этики, понятием и системой профессиональной этики, а также установлением соотношения судебной и следственной этики, места последней в системе профессиональной этики.

Несмотря на актуальность указанных вопросов, они не нашли однозначного решения в специальной литературе. Так, в свое время К.Д. Кавелин указывал, что «... суть этики – это субъективные идеалы, которые она ставит сознательной жизни и деятельности человека»¹. Ф.А. Брокгауз, И.А. Эфрон совершенно обоснованно отмечали, что этика «в узком смысле есть учение о нравственности»², однако предмет ее исследования ограничивали исключительно конечными целями³. Позднее политологами было подчеркнуто наличие не только этики результата, но и правомерность существования этики действия, т.к. действие непозволительно отделять от его последствий, являющихся результатом выбора целей и средств их достижения⁴. На мой взгляд, этику можно определить как философское учение, предметом исследования которого является мораль (нравственность), специфика ее влияния на человеческую деятельность, поведение, их результаты, общественные отношения, а также на сознание. Иными словами, предмет этики должен включать в себя:

- 1) понятие нравственности, ее структуру;
- 2) историю становления и развития норм нравственности;
- 3) влияние нравственности на объективную сторону бытия, что подразумевает раскрытие нравственной характеристики различных видов общественной и индивидуальной деятельности, выбор средств и методов достижения поставленной цели, анализ

¹ Кавелин К.Д. Указ. соч. – С.77.

² Брокгауз Ф.А., Эфрон И.А. Энциклопедический словарь. Т.81. – СПб.: Тип. акц. общ. Брокгауз – Эфрон, 1904. – С.146.

³ См. подробнее: Там же. – С.147.

⁴ См подробнее: Политология: Энциклопедический словарь. – М.: Изд-во Моск. коммерч. ун-та, 1993. – С.406-408.

результатов такой деятельности и характера общественных отношений, а также соответствия целей и задач средствам и способам их достижения;

- 4) влияние нравственности на субъективную сторону реальной действительности, в первую очередь, на сознание.

Не менее дискуссионным является вопрос о профессиональной этике, ее предмете, сущности, значении и системе. Безусловно, ряд профессиональных сфер деятельности налагает на исполнителей дополнительные обязательства и ограничения, которые обусловлены, по моему мнению, спецификой объекта – человеческим фактором, возможностью (а в ряде случаев - необходимостью) вторжения в частную жизнь гражданина. Указанными обстоятельствами определяется сущность профессиональной этики, например, врача, журналиста, юриста (судьи, следователя, адвоката, нотариуса и др.).

Ф. Энгельс писал: «Каждая профессия имеет свою собственную мораль»¹, т.е. утверждал, что профессиональная этика изучает применение своих норм нравственности, присущих только отдельной сфере профессиональной деятельности. Позднее данную точку зрения отстаивали, например, А. Ратинов, Ю. Зархин, Г.Ф. Горский, Л.Д. Кокорев, Д.П. Котов, подчеркивавшие существование профессиональной морали, а также наличие свойственных ей специфических нравственных норм². Однако следует согласиться с теми авторами, которые, критикуя указанный тезис, утверждали, что профессиональная этика – это учение о применении общих норм нравственности в специфических условиях деятельности людей³.

Анализируя этические начала уголовно-процессуальной деятельности, процессуалисты в качестве пределов свободы осуществления процессуальных действий указывают уважительное, бережное отношение к человеческому достоинству, терпение, деликатность, строгое соблюдение закона, умеренность в выборе средств. Таким образом, во главу угла поставлена неприкосновенность личности, ее законных прав и свобод, что вполне согласуется с мыслью, высказанной Н.А. Бердяевым: «В иерархии духовных ценностей первое место принадлежит личности»⁴, т.е. все

¹ Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т.21. – М.: Политиздат, 1961. – С.298-299.

² См. подробнее: Горский Г.Ф. Судебная этика / Г.Ф. Горский, Л.Д. Кокорев, Д.П. Котов. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1973. – С.13; Ратинов А. Следственная этика / А. Ратинов, Ю. Зархин // Социалистическая законность. – 1970. – №10. – С.35.

³ См., напр.: Введение в специальность. – М.: МВШМ МВД РФ, 1992. – С.73-74; Баренбойм П. Почему нарушаются нормы профессиональной этики / П. Баренбойм, Б. Абушахмин // Социалистическая законность. – 1986. – №12. – С.45.

⁴ Цит. по.: Вишнякова О.В. Этика Бердяева. – М.: Гардарики, 2000. – С.120.

указанные выше характеристики полностью согласуются с общими нравственными нормами.

Таким образом, профессиональную этику можно определить как учение о действии общих норм нравственности в специфических условиях профессиональной деятельности человека. В связи с этим представляется необоснованным отождествление некоторыми процессуалистами профессиональной этики с профессиональной моралью (нравственностью), которая также обладает, по их мнению, специфическими чертами¹.

Одним из видов профессиональной этики является судебная этика, о перспективах развития которой обоснованно высказался А.Ф. Кони: «... в будущем предстоит лишь частичное улучшение ... уголовного процесса и уточнение техники производства. Но рядом с этим изощрением техники должно пойти развитие истинного человеколюбия на суде...»². В последующем вопросы понятия, предмета и системы судебной этики не теряли своей актуальности, однако единства взглядов среди процессуалистов по данным вопросам так и не было достигнуто. Анализируя в этой связи мнения ученых, можно отметить, что до сих пор остаются неопределенными пределы действия судебной этики, которые одни специалисты ограничивают этическими аспектами деятельности профессиональных участников уголовного судопроизводства³ либо и уголовного, и гражданского процесса⁴. Другие ученые подчеркивают, что наряду с производством в суде, судебная этика распространяется также на уголовно-исполнительные отношения⁵.

На мой взгляд, содержание любого понятия не должно противоречить его этимологическому значению. Так, исследуя основные вопросы судебной этики и перспектив ее преподавания как учебной дисциплины, А.Ф. Кони указывал, что «... центром тяжести организации уголовного правосудия должен быть признан *судья*.... Изучение судопроизводства ... должно распадаться на изучение: а) необходимых свойств этой деятельности, выражающейся... в постановлении приговора; б) необходимых условий этой деятельности; в) поведения *судьи* по отношению к лицам, с которыми он приходит в соприкосновение

¹ См., напр.: Леоненко В.В. Профессиональная этика участников уголовного судопроизводства. – Киев.: Наук. Думка, 1981. – С.20.

² Кони А.Ф. Нравственные начала в уголовном процессе (Общие черты судебной этики) // Избранные труды и речи. – Тула: Автограф, 2000. – С.79.

³ См., напр.: Кокорев Л.Д. Понятие, задачи и соотношение профессиональной этики юриста и следственной этики // Этика предварительного следствия. Тр. высш. следств. шк. МВД СССР. Вып.15. – Волгоград: Науч.-исслед. и редакционно-издат. отдел, 1976. – С.4; Строгович М.С. Проблемы судебной этики. – М.: Наука, 1974. – С.21.

⁴ См., напр.: Бойков А. Что такое судебная этика? (Размышления о моральных нормах судебного процесса) // Советская юстиция. – 1971. – №1. – С.7.

⁵ См., напр.: Котов Д.П. Вопросы судебной этики. – М.: Знание, 1976.- С.11.

вследствие своей деятельности»¹. Таким образом, следует признать, что расширительное толкование предмета судебной этики, в соответствии с которым ее действие распространяется на отношения, возникающие в ходе исполнения наказания, является достаточно спорным.

По указанным выше основаниям не менее дискуссионный характер носит утверждение о регулировании нормами судебной этики уголовно-процессуальных отношений, возникающих на досудебных стадиях уголовного судопроизводства (в частности, на стадии предварительного расследования). Специфика деятельности следователя или адвоката не позволяет применить к ним те этические положения, которые регулируют отношения судьи с другими участниками процесса. Действительно, выступая независимым арбитром, судья решает возникший спор между участниками гражданских правоотношений либо рассматривает и по существу разрешает уголовное дело. Адвокат, являясь представителем стороны в процессе (ч.4 ст.49 УПК РФ), не может занимать нейтральную позицию в деле. Напротив, действующее процессуальное законодательство возлагает на него функции защиты интересов своего клиента (ч.1,2 ст.49 УПК РФ). Следовательно, специфика процессуальных функций, возложенных, с одной стороны, на судью (функция осуществления правосудия), а, с другой стороны, на адвоката (функция защиты), не позволяет, на мой взгляд, включить деятельность последнего в предмет регулирования судебной этики.

Аналогичным образом нельзя распространять пределы действия положений судебной этики на деятельность лица, осуществляющего предварительное расследование.

На основании вышеизложенного считаю, что судебная этика, как один из видов профессиональной этики, регулирует действие общих норм нравственности в специфических условиях деятельности судьи. Таким образом, следственная этика не должна рассматриваться как подвид судебной этики, а является самостоятельным видом этики профессиональной и имеет предмет своего регулирования специфику действия общих моральных норм в особых условиях осуществления компетентными должностными лицами предварительного расследования преступлений.

Вместе с тем, возникает вопрос о пределах действия положений профессиональной этики в целом и следственной этики, в частности. В этой связи М. Барщевский подчеркивал, что предметом профессиональной этики становится «поведение представителя определенной профессии ... в обстоятельствах, где он действует именно как профессионал, либо представляет свою профессию, либо воспринимается окружающими как

---

¹ Кони А.Ф. Указ. соч.— С.79-80.

представитель корпорации...»¹. Однако ряд ученых придерживается иных взглядов, отстаивая необходимость расширительного толкования сферы действия профессиональной этики, включая в нее и внеслужебное поведение юриста (судьи, следователя, адвоката нотариуса и др.)². Более того, отдельные нормы, регулирующие внеслужебную повседневную деятельность человека, нашли свое закрепление в отдельных этических кодексах, принятых в Российской Федерации и за рубежом. Например, абзац 2 Морального этического кодекса полицейского США содержит следующее положение: «В своей личной жизни я обещаю быть примером для других: я буду мужественен и спокоен перед лицом опасности, буду сдерживать свои чувства и постоянно заботиться о благосостоянии других»³.

МВД России был утвержден Кодекс чести рядового и начальствующего состава органов внутренних дел Российской Федерации, в преамбуле к которому подчеркнуто, что нижеследующими нравственными обязательствами и этическими нормами рядовой и начальствующий состав ОВД России должен руководствоваться и в службе и в повседневной жизни⁴.

Федеральная нотариальная палата также приняла Профессиональный кодекс чести нотариусов Российской Федерации⁵, устанавливающий, что сформулированные в нем нормы содержат стандарты нотариальной деятельности и личного поведения нотариуса (п.1 Общих положений).

Напротив, анализ положений, сформулированных в Кодексе поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка, принятом Генеральной Ассамблеей ООН 17 декабря 1979 года⁶, в основных принципах этики полицейской службы от 9 мая 1979 года⁷, в Генеральных принципах этики адвокатов Международной ассоциации юристов от 1995 года⁸, в Кодексе профессиональной этики нотариуса, занимающегося частной практикой⁹, позволяет утверждать, что они, по мнению разработчиков, должны распространяться только на случаи исполнения должностными лицами своих служебных обязанностей.

Таким образом, с одной стороны, не вызывает сомнений необходимость разработки положений этических кодексов, что

¹ Барщевский М. Адвокатская этика. – М.: Профобразование, 2000. – С.22.

² См., напр.: Жеребцов А. Соблюдение кодекса чести – обязанность судьи // Российская юстиция. – 2000. – №5. – С.3.

³ См.: Профессиональная этика .... – М.: Щит-М, 1998. – С.309-312.

⁴ См.: Там же. – С.313.

⁵ Российская юстиция. – 2000. – №11. – С.35-38.

⁶ Социалистическая законность. – 1990. – №1. – С.71-72.

⁷ Профессиональная этика. ... – С.303-308.

⁸ Российская юстиция. – 1996. – №2. – С.51.

⁹ Российская юстиция. – 2000. – №1. – С.33.

подтверждается повышенным интересом ученых к данному предмету научных исследований, а, с другой стороны, требует своего разрешения нравственная проблема определения пределов действия таких кодексов.

Закрепленное в ст.23 Конституции РФ правило о неприкосновенности частной жизни является, на мой взгляд, универсальным этическим положением. «Частная жизнь... представляет собой жизнедеятельность человека в особой сфере семейных, бытовых, личных, интимных отношений, не подлежащих контролю со стороны государства, общественных организаций, граждан..., свободы высказываний и правомерных поступков вне сферы служебных отношений»¹. Следовательно, оно должно распространяться не только на рядовых граждан, но и на иных лиц, выполняющих возложенные на них функции в системе деятельности правоохранительных органов, в том числе и на должностных лиц, осуществляющих предварительное расследование.

Иными словами, включение в кодекс чести этических правил, регулирующих внеслужебную деятельность гражданина, является нарушением одного из его основных конституционных прав – права на неприкосновенность частной жизни. В то же время, при установлении границ действия профессиональных кодексов чести и поведения должностных лиц необходимо, на мой взгляд, учитывать ряд следующих обстоятельств:

1. Все вопросы профессиональной этики работников правоохранительных органов (в том числе следователей и дознавателей) должны разрешаться с точки зрения общечеловеческих норм нравственности, а не с позиций ведомственного подхода². Провозглашая человека, его права и свободы как высшую ценность, следует закрепить в этических кодексах положения, направленные на обеспечение и реализацию таких прав. В этом случае указанные положения должны распространяться и на сферу частной жизни должностного лица, ведущего процесс, т.е. этический кодекс должен регулировать отношения, в которых субъект выступает как должностное лицо, либо представляет свою профессию. В этой связи представляются небезынтересными следующие данные проведенного мною интервьюирования должностных лиц, осуществляющих производство по делу: 54% опрошенных практических работников также считают, что по общему правилу положения этического кодекса следователя не должны распространяться на непрофессиональную

¹ Конституция Российской Федерации: Комментарий. – М.: Юрид. лит., 1994. – С.149-150.

² См. подробнее: Жигалова Е.А. К вопросу об этических требованиях к правоохранительной деятельности // Силовые структуры как социокультурное явление. – Матер. междунар. науч.-практ. конф. 7 мая 2001 г., Иркутск. – Иркутск: Восточно-Сибирский ин-т МВД России, 2001. – С.17-19.

сферу его жизнедеятельности; 35% придерживаются противоположной точки зрения; 11% лиц затрудняются в ответе.

2. При разработке этических кодексов нельзя, на мой взгляд, опираться на те недостатки, которые присущи механизму работы правоохранительных органов на современном этапе общественного развития, т.к. нормы, закрепленные в этических кодексах и кодексах чести, это «определенная интерпретация общепринятых этических норм»¹. В этой связи представляются не соответствующими нравственным требованиям положения, закрепленные в п.3 Декларации судебных репортеров «О принципах честной работы в жанрах судебного очерка и репортажа, а также журналистского расследования»², предоставляющие журналисту право работать с «утечками информации», полученной, в частности, от органов дознания и следствия на уровне личных контактов. С одной стороны, из смысла ст.161 УПК РФ явствует, что органы предварительного расследования имеют право предать огласке некоторые данные предварительного следствия в том объеме, в котором сочтут это возможным (за исключением данных о частной жизни других лиц, что возможно только с согласия последних). С другой стороны, «утечка информации» в том значении, в котором это понятие используется в Декларации судебных репортеров, имеет значение данных, полученных с нарушением если не норм закона, то общепринятых норм морали. В данном случае приоритетное значение отдано ведомственному интересу, что может привести к нарушениям прав личности, вовлеченной в сферу уголовно-процессуальной деятельности³.

3. Процессуальное законодательство не преследует цели урегулирования проблем культуры поведения лиц, ведущих процесс. Однако данный аспект должен найти свое закрепление в кодексе профессиональной этики, на что совершенно обоснованно указывают ученые⁴.

4. В действующем уголовно-процессуальном законе не содержится универсального основания принятия процессуального решения, в связи с чем, Н. Подольный, например, считает, что таким основанием является понятие «информации», которое должно обязательно найти нормативное

¹ Этика полицейского ФРГ // Профессиональная этика. ... – С.341.

² Российская юстиция. – 1997. – №8. – С.63.

³ О случаях нарушения следователями и журналистами основных норм корпоративной этики см. подробнее: Шевченко С. Свобода слова и тайна следствия // Законность. – 2001. – №3. – С.24-26.

⁴ См., напр.: Ликас А.А. Культура правосудия. – М.: Юрид. лит. – С.54-57; Потапенко С. Факты и мнения в делах о защите чести // Российская юстиция. – 2001. – №7. – С.28-29.

закрепление⁵. Автор подчеркивает, что процесс принятия любого решения в ходе производства по уголовному делу состоит из двух этапов – получения и оценки информации, причем, на каждом из них существует возможность совершения умышленной или невольной ошибки. Во избежание таких ошибок необходимо сделать весь процесс принятия решения максимально «прозрачным». Это возможно с помощью введения и использования категории «информации»¹. Безусловно, необходимо определить основные ориентиры осуществления компетентными должностными лицами уголовно-процессуальной деятельности, однако они должны найти свое отражение не в процессуальном законодательстве, а в этическом кодексе. На мой взгляд, таким основанием является не понятие информации, а общепризнанные моральные нормы. Следовательно, правила, закрепленные в кодексах чести, должны содержать указания на данную роль общих требований нравственности в специфических условиях деятельности следователей и дознавателей.

Таким образом, на основании вышеизложенного можно сформулировать следующие выводы:

Во-первых, этика – это философское учение, предметом исследования которого является мораль (нравственность), специфика ее влияния на человеческую деятельность, поведение, их результаты, а также на сознание.

Во-вторых, профессиональная этика (в том числе и следственная этика) регулирует различные аспекты применения общих норм нравственности в специфических условиях профессиональной активности людей, т.е. утверждение о существовании профессиональной морали, а также о наличии свойственных ей специфических нравственных норм является, на мой взгляд, более, чем дискуссионным.

В-третьих, сферу действия положений судебной этики как одного из видов профессиональной этики следует, по моему мнению, ограничить вопросами применения общих норм нравственности в специфических условиях работы суда (судьи). Следовательно, следственная этика не должна рассматриваться как подвид судебной этики. Следственная этика – это самостоятельный вид профессиональной этики, имеющий предметом своего регулирования специфику действия общих моральных норм в особых условиях осуществления компетентными должностными лицами предварительного расследования преступлений.

В-четвертых, этические нормы, регулирующие деятельность органов и лиц, осуществляющих предварительное расследование, не должна распространяться на частную жизнь за исключением тех случаев, когда

⁵ См.: Подольный Н. Основания принятия процессуальных решений // Российская юстиция. – 1999. – №2. – С.41.

¹ См.: Там же. – С.40-41.

лицо представляет свою профессию либо воспринимается окружающими как ее представитель, а также когда необходимо обеспечить сохранность сведений, составляющих предмет тайны (нотариальной, банковской, личной, врачебной и т.п.).

В-пятых, положения этического кодекса лица, осуществляющего производство по делу, не должно содержать конкретных правил поведения в определенных ситуациях. На мой взгляд, они должны ориентировать компетентные органы и их должностных лиц на то, что основу принятия любого процессуального решения составляют общепризнанные нормы нравственности.

§2. Проблемы законодательного закрепления этических начал производства отдельных следственных действий

2.1. Общие вопросы

Долгое время в отечественной правовой теории признавалось действие следующих трех аксиом общей теории права, имеющих наибольшее практическое значение:

1. В процессе правотворчества право реализуется в нормативных актах, в правоотношениях и в правосознании.
2. Разрешается поведение, не запрещенное нормами права и не противоречащее его принципам.
3. Никто не может быть судьей в собственном деле¹.

К последней аксиоме, по мнению Г.И. Манова, примыкают другие юридические аксиомы, в частности, такая, как «личная выгода отступает перед общественной»². Однако происходящие в стране политические, экономические, социальные, духовные, культурные и иные изменения детерминировали переоценку охраняемых законом ценностей. В принятой в 1993 году Конституции РФ права и свободы человека провозглашены высшей ценностью в государстве (ст.2), а их признание, соблюдение и защита являются законодательно закрепленной обязанностью государства. В связи с этим представляются совершенно обоснованными сформулированные И.Л. Петрухиным выводы о значении интересов человека в системе общественных целей. Так, И.Л. Петрухин считает, что в иерархии целей общества интересы отдельного индивида должны быть

¹ О понятии, значении и роли аксиом в праве см. подробнее: Ференс-Сороцкий А.А. Аксиомы в праве // Известия вузов. Правоведение. – 1988. – №5. – С.27-31.

² См. подробнее: Манов Г.И. Аксиомы в советской теории права // Советское государство и право. – 1986. – №9. – С.29-36.

поставлены на первое место¹. Следовательно, аксиомой современного права следует признать социально-правовую ценность личности².

Действие данной аксиомы предполагает невозможность лишения человека его основных прав и свобод со стороны государства, что обусловлено естественной неотчуждаемой природой таких прав. Вместе с тем, государство в лице своих компетентных органов и должностных лиц может ограничить их действие при наличии конституционно закрепленных условий и оснований такого ограничения и только в соответствии с установленным законом порядком.

Наиболее часто к ограничению прав и свобод личности приходится прибегать в сфере борьбы с преступностью, в том числе при осуществлении уголовно-процессуальной деятельности, что обуславливает возникновение и развитие конфликтов между публичными и частными интересами в уголовном процессе. Проблема установления баланса таких интересов является крайне актуальной при проведении следственных действий. Это связано с принудительным характером процессуальных действий, направленных на собирание и проверку доказательств по уголовному делу³. Однако наиболее остро данный вопрос стоит в тех случаях, когда в результате производства следственных действий затрагиваются такие конституционные права граждан, как неприкосновенность жилища и неприкосновенность их частной жизни.

Следует отметить, что проблемы общих этических условий и нравственных основ производства отдельных следственных действий достаточно полно проанализированы в работе Т.Н. Москальковой, однако они касаются лишь таких следственных действий, как допрос, выемка, обыск, освидетельствование, предъявление для опознания и получение образцов для сравнительного исследования⁴. Вместе с тем, обязанность обеспечения сохранности тайны частной жизни граждан в процессе доказывания влечет необходимость закрепления в законе дополнительных гарантий при осуществлении иных следственных действий, в частности, при наложении ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотре, выемке, а также при проведении контроля и записи переговоров.

УПК РФ закрепил неприкосновенность жилища (ст.12) и тайну переписки, телефонных и иных переговоров, почтовых, телеграфных и

---

¹ См. подробнее: Петрухин И.Л. Человек как социально-правовая ценность // Государство и право. – 1999. – №10. – С.83.

² См.: Там же. – С.90.

³ См., напр.: Куцова Э.Ф. Следственные действия: понятие, обеспечение прав личности при их совершении // Вестн. Моск. ун-та. Сер.11. Право. – 1991. – №1. – С.34; Шейфер С.А. Следственные действия. Система и процессуальная форма. – М.: Юрид. лит., 1981. – С.105.

⁴ См.: Москалькова Т.Н. Указ. соч. – С.45-72.

иных сообщений (ст.13) в качестве самостоятельных принципов уголовного процесса, в связи с чем, существенно изменил основания, порядок и условия производства следственных действий, ограничивающих соответствующие конституционные права граждан. Следовательно, необходимо не только оценить процессуальные нормы на предмет их соответствия общему назначению уголовного процесса, но и по-новому раскрыть их нравственную природу, а также определить, какова степень удовлетворения этическим требованиям закрепленных в новом процессуальном законодательстве порядка, оснований и условий производства следственных действий, затрагивающих указанные выше конституционные права личности.

Некоторые процессуалисты совершенно обоснованно отмечают, что гражданин может осуществлять свои права, независимо от способа их реализации, на трех основных уровнях: общегосударственном, региональном и локальном¹. Следовательно, гарантии осуществления и обеспечения таких прав также должны действовать на трех указанных уровнях. Однако реализация конституционных прав и свобод граждан в уголовном процессе на стадии предварительного расследования преступлений имеет свои особенности². На мой взгляд, учитывая положения п.«о» ст.71 Конституции РФ, отнесшей уголовно-процессуальное законодательство к исключительному ведению Российской Федерации, а также положения ч.4 ст.15 Конституции РФ, установившей примат общепризнанных норм и принципов международного права над внутригосударственными правовыми нормами, можно выделить следующие уровни регламентации соблюдения и гарантированного обеспечения прав граждан на неприкосновенность жилища и неприкосновенность их частной жизни:

- 1) международный;
- 2) общегосударственный;
- 3) локальный.

Как уже отмечалось ранее, структура морали неоднородна и включает в себя субъективные компоненты (такие, как сознание, самосознание и менталитет), а также элементы бытийной сферы нравственности. К последним, в частности, следует отнести поведение и деятельность.

Учитывая различное нравственное содержание уголовно-процессуальных норм в зависимости от их юридической силы и вида соотношения с нормами морали, считаю, что на указанных уровнях

¹ См., напр.: Шапиро М.А. Особенности реализации свободы совести на предварительном следствии // Реализация норм государственного и административного права на предварительном следствии: Сб. науч. тр. – Волгоград: Изд-во Волгоградск. ВШ МВД СССР, 1987. – С.70.

² См.: Там же. – С.71.

обеспечения и защиты конституционных прав граждан в уголовном процессе степень правовой и иной их регламентации будет различной. Кроме того, каждому уровню свойственно обеспечение не всех, а лишь некоторых элементов бытийной сферы нравственности.

Так, на международном и общегосударственном уровнях защита конституционных прав личности осуществляется путем закрепления в процессуальном законодательстве отдельных сторон уголовно-процессуальной деятельности. При этом проблемы этического поведения должностных лиц органов расследования при производстве следственных действий не могут являться предметом правового регулирования, поэтому такие вопросы должны найти свое разрешение в этических кодексах при реализации соответствующих этических правил поведения лица, ведущего процесс, на локальном уровне.

С учетом указанных особенностей в дальнейшем будут раскрыты этические начала производства тех следственных действий, которые непосредственно связаны с существенным ограничением неприкосновенности жилища и неприкосновенности частной жизни граждан.

2.2. Проблемы законодательного закрепления этических начал производства следственных действий, ограничивающих неприкосновенность жилища

Впервые содержание понятия «неприкосновенность жилища» было раскрыто в ст.55 Конституции СССР 1977 г., которая, в отличие от ст.128 Конституции СССР 1936 г. (указывавшей на то, что неприкосновенность жилища охраняется законом), закрепляла следующее правило: никто не имеет права без законного основания войти в жилище против воли проживающих в нем лиц.

Однако, несмотря на существенную конкретизацию данного конституционного права граждан в Конституции СССР, соответствующие правовые нормы по-прежнему носили декларативный характер и имели под собой политическую основу, что привело к неоднозначному толкованию этого принципа со стороны ученых¹.

---

¹ В частности, А.П. Гуляев отмечал, что, провозглашая этот принцип в качестве общего правила, законодатель одновременно учитывает неизбежность применения в определенных случаях соответствующих ограничений, которые допускаются лишь в отношении лиц, «грубо нарушающих правила социалистического общежития» (См. подробнее: Гуляев А.П. Следователь в уголовном процессе. – М.: Юрид. лит., 1981. – С.61).

Статья 12 УПК РСФСР определяла возможность производства в жилище таких следственных действий, как осмотр, обыск и выемка на основаниях и в порядке, установленных кодексом. Вместе с тем, правовое регулирование этих следственных действий с момента принятия УПК РСФСР не было совершенным.

С введением в действие Конституции РФ, также закрепившей неприкосновенность жилища граждан, конкретизированы основания ограничения этого конституционного права. Так, проникновение в жилище возможно с согласия проживающих в нем лиц, по судебному решению, а также в случаях, установленных федеральным законом. К этим случаям следует отнести и те, которые непосредственно предусмотрены уголовно-процессуальным законодательством.

Согласно положениям, которые были сформулированы в УПК РСФСР, судебное решение не являлось обязательным условием для производства следственных действий в жилище лица. Так, например, в соответствии с ч.3 ст.168 УПК РСФСР, обыск производился по мотивированному постановлению следователя и только с санкции прокурора, за исключением случаев, не терпящих отлагательства, с последующим сообщением прокурору в суточный срок о факте проведенного обыска. Для производства выемки и осмотра в жилище гражданина достаточно было вынесения постановления лица, осуществляющего производство по делу (ч.3 ст.167, ст.178 УПК РСФСР).

В процессе обсуждения и принятия УПК РФ отношение разработчиков Проектов УПК РФ к реализации принципа неприкосновенности жилища и к основаниям его ограничения менялось. Так, в Проекте №1 предполагалось любые следственные действия, связанные с проникновением в жилое помещение (включая обыск, выемку и осмотр), производить только по просьбе лица, в нем проживающего, с его согласия либо на основании судебного решения (ч.2 ст.13). После рассмотрения Проекта №2 из числа оснований ограничения права на неприкосновенность жилища было исключено волеизъявление лица, в нем проживающего (ст.12). Однако обе редакции Проекта УПК РФ допускали возможность производства осмотра жилища, обыска и выемки без получения судебного решения в случаях, не терпящих отлагательства (ч.5 ст.165)¹.

В части нормативного закрепления гарантий соблюдения и законного ограничения неприкосновенности жилища УПК РФ является, на мой

¹ Представляет научный интерес тот факт, что в Проекте УПК РФ, разработанном Государственно-правовым управлением при Президенте РФ, неприкосновенность жилища в качестве самостоятельного принципа уголовного процесса не предусмотрена, а неприкосновенность имущества и нежилых помещений отнесена к «Другим основным положениям» // Российская юстиция. – 1994. – №9. – С.13-14.

взгляд, компромиссом между двумя рассмотренными подходами. В частности, ч.1 ст.12 разрешает проведение осмотра с согласия проживающих в жилище лиц. Вместе с тем, следственные действия, ограничивающие неприкосновенность жилища, в случаях, не терпящих отлагательства, могут осуществляться без судебного решения с последующим уведомлением судьи и прокурора о производстве следственного действия¹.

На мой взгляд, учет волеизъявления лица, проживающего в жилом помещении, является, безусловно, нравственным положением процессуального законодательства, т.к. именно такой подход является разумным и обоснованным компромиссом публичных и частных интересов в уголовном судопроизводстве. В связи с этим, трудно согласиться с мнением В.А. Яблокова, указывающего на абсурдность формулировки, допускающей проникновение в жилище без судебного решения при наличии согласия проживающих в нем лиц².

Соблюдение и обеспечение основных прав граждан следует признать не только нравственно одобряемым, но и необходимым условием производства предварительного расследования. Как обоснованно отметил В. Новиков, права человека с точки зрения их статуса представляют собой определенные идеи морального характера и в этом смысле выражают общественное мнение, направленное на достижение идеалов человечества³. Однако реальное их осуществление предполагает обязательное законодательное закрепление соответствующих гарантий. В связи с этим следует отметить, что отсутствие должной правовой регламентации следственных действий, ограничивающих право граждан на неприкосновенность жилища, явилось одной из причин, детерминировавшей возникновение и развитие негативной правоприменительной практики. Так, обыск зачастую производится под видом осмотра места происшествия; следователи злоупотребляют проведением ряда следственных действий в целях проникновения в жилище, проводят следственные действия, не регламентированные

¹ Упоминая о судебном решении как о юридическом основании производства процессуальных действий, ограничивающих конституционные права граждан, необходимо подчеркнуть, что в соответствии со ст.10 Федерального Закона от 18 декабря 2002 г. «О введении в действие Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» до 1 января 2004 года следственные действия, ограничивающие право граждан на неприкосновенность жилища будут проводиться с санкции прокурора.

² См. подробнее: Яблоков В.А. Реализация судебной власти на досудебных стадиях уголовного процесса России. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Самара, 2001. – С.13.

³ См. подробнее: Новиков В. Право гражданина на неприкосновенность жилища // Уголовное право. – 1999. – №1. – С.68.

действующим процессуальным законодательством, либо производят оперативно-розыскные мероприятия вместо процессуальных действий, направленных на собирание доказательств¹. Поэтому «в интересах охраны прав и свобод лиц, участвующих в уголовном процессе, а также оказавшихся в него вовлеченными, ... подробнейшая регламентация следственных действий послужит одной из наиболее важных гарантий от злоупотребления публичной властью»².

Как представляется, детальная регламентация производства следственного действия не может рассматриваться как существенная гарантия обеспечения конституционных прав граждан в отрыве от точного указания в законе оснований осуществления следственных действий, однозначного определения основного содержания понятий, используемых в процессуальном законодательстве (в частности, понятия «жилище»), а также определения отдельных уголовно-процессуальных институтов и усовершенствования процессуального статуса участников следственных действий. Только в совокупности указанные положения могут служить действенной гарантией обеспечения прав и свобод личности, а также придания уголовно-процессуальной деятельности нравственного содержания.

В этой связи хотелось бы более подробно остановиться на проблеме законодательного закрепления понятия «жилище». Именно оно, по моему мнению, является основой деятельности органов расследования при производстве следственных действий, ограничивающих право граждан на неприкосновенность жилища.

В соответствии со ст.27 Конституции РФ каждый гражданин имеет право свободно передвигаться и выбирать место своего жительства и место пребывания. Учитывая высокое нравственное содержание конституционных положений, следует придать более широкое толкование понятию «жилище». В связи с этим Ю.И. Стецовский совершенно обоснованно подчеркивал нетождественность права на жилище и права на неприкосновенность жилища. По его мнению, конституционный принцип неприкосновенности жилища должен соблюдаться как в месте жительства, так и в месте постоянного или временного пребывания человека³. В отличие от УПК РСФСР, Проект №1 использовал наряду с понятием

---

¹ См. подробнее: Матвиенко И.В. Неприкосновенность жилища: декларация или реальность // Юрист. – 1998. – №1. – С.34.

² Юров В.Ю. Некоторые проблемы охраны прав и свобод при производстве следственных действий // Актуальные проблемы раскрытия и расследования преступлений: Межвуз. сб. науч. тр. Вып.1. Часть1. – Красноярск: Сибирский юрид. ин-т МВД России, 1999. – С.127.

³ См. подробнее: Стецовский Ю.И. Права человека на свободу и личную неприкосновенность: Нормы и действительность. – М.: Дело, 2000. – С.425-426.

«жилище» такое понятие, как «жилое помещение», не раскрывая, однако, их содержания.

В Проекте №2 (п.10 ст.5) анализируемому понятию было дано расширительное толкование: жилище – это индивидуальный жилой дом с входящими в него жилыми и нежилыми помещениями, жилое помещение независимо от формы собственности, входящее в жилищный фонд и **пригодное** для постоянного или временного проживания, а равно иное помещение или строение, не входящее в жилищный фонд, но **предназначенное** для временного проживания (Выделено мной – И.С.). На мой взгляд, использование в законе оценочных понятий на практике может привести к злоупотреблению со стороны работников правоохранительных органов, поэтому изменение приведенной формулировки в УПК РФ следует одобрить. В частности, в п.10 ст.5 УПК РФ расширено понятие «жилище» путем включения в него не только помещений, пригодных для проживания, но и реально используемых в этих целях независимо от состояния их фактической пригодности.

Таким образом, независимо от того, является ли помещение местом проживания лица либо местом его временного пребывания, на такое помещение должен распространяться статус жилища в том понимании, которое нашло законодательное закрепление в новом процессуальном законе, а, следовательно, и все сопутствующие гарантии.

Безусловно, производство любого следственного действия обладает определенной, только ему присущей спецификой, к которой относятся и предъявляемые к данному следственному действию этические требования, поэтому остановимся на них более подробно.

Обыск и выемка

Как уже было отмечено ранее, и обыск, и выемка носят ярко выраженный принудительный характер. В связи с этим проблема соблюдения этических требований в ходе производства этих следственных действий стоит наиболее остро.

В соответствии с действующим процессуальным законодательством, обыск может проводиться при наличии достаточных оснований полагать, что предметы и документы, могущие иметь значение для дела, находятся в каком-либо помещении или ином месте (ч.2 ст.182 УПК РФ). В отличие от обыска постановление о производстве выемки выносится, если точно известно, где и у кого находятся определенные предметы и документы (ч.1 ст.183 УПК РФ).

Безусловно, следует согласиться с И.В. Смольковой, подчеркивающей, что неприкосновенность жилища включает в себя и неприкосновенность

частных документов граждан¹ (следовательно, является одной из гарантий неприкосновенности частной жизни лица). В этой связи необходимо более детальное законодательное закрепление этической стороны деятельности следователя или дознавателя при производстве данных следственных действий.

Одной из проблем этического характера является обеспечение участия понятых при осуществлении процессуальных действий, ограничивающих неприкосновенность жилища граждан.

Необходимо отметить, что в ходе принятия УПК РФ были учтены высказанные в процессуальной литературе предложения о необходимости разъяснения понятым не только их прав и обязанностей (что в соответствии с ч.1 ст.11 УПК РФ образует содержание такого принципа уголовного процесса, как охрана прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве), но и порядка производства следственного действия и его целей¹. Согласно п.5 ст.164 УПК РФ, следователь, привлекая к участию в следственных действиях понятого, удостоверяется в его личности, разъясняет ему права, ответственность, а также порядок производства конкретного следственного действия. Правила, сформулированные в п.4 ст.170 УПК РФ, дополняют указанное положение в части разъяснения понятым не только порядка, но и целей следственного действия.

С этической точки зрения абсолютно оправданно, с одной стороны, включение в УПК РФ положения о недопустимости участия в качестве понятых кого-либо из сотрудников милиции или правоохранительных органов (п.3 ч.2 ст.60), а, с другой стороны, закрепление участия понятых в качестве одного из условий допустимости полученных доказательств, за исключением случаев, указанных в ч.3 ст.170 УПК РФ.

Таким образом, в процессуальном законодательстве не нашли своей реализации предложения процессуалистов о предоставлении лицу, производящему расследование, права принимать решение о необходимости участия понятых при осуществлении следственных действий по своему усмотрению². Представляется, что такой подход законодателя в большей степени соответствует нравственным началам уголовного процесса.

¹ См.: Смолькова И.В. Проблемы охраняемой законом тайны в уголовном процессе. – М.: Луч, 1999. – С.159.

¹ См., напр.: Белоусов А.В. О необходимости изменений в институте понятых // Прокурорская и следственная практика. – 2000. – №3-4. – С.105; Хитрова О.В. Участие понятых в российском уголовном судопроизводстве. – М.: Спарк, 1997. – С.46.

² См., напр.: Калугин А. Понятой в уголовном процессе // Российская юстиция. – 1998. – №10. – С.12.

Вместе с тем, в УПК РФ, на мой взгляд, учтены не все этические аспекты деятельности лица, осуществляющего производство по делу. Так, УПК РФ традиционно относит понятого к иным участникам процесса наряду со свидетелями, переводчиком, специалистом, экспертом, особо подчеркивая, что функции понятого в уголовном процессе может выполнять только лицо, не заинтересованное в исходе дела (ч.1 ст.60). Такая формулировка указывает на отсутствие у понятого самостоятельного правового интереса в исходе дела. Однако это вовсе не означает возможности присутствия в уголовном судопроизводстве участников без интереса, так как его «отсутствие ... исключает надлежащую реализацию субъективных прав»¹. Наряду с экспертом, специалистом и некоторыми другими участниками процесса понятой выполняет в ходе производства по делу вспомогательные функции². Однако процессуальный закон не предусматривает возможности участвующим в следственных действиях лицам реализовать право отвода понятого. Вместе с тем, как показывает практика, зачастую в роли понятых выступают знакомые, соседи, что существенно затрагивает законные интересы лиц, в жилище которых производится следственное действие, и не имеющих реальной возможности оградить их от постороннего любопытного вмешательства.

Отсутствие законодательной регламентации указанной проблемы связано, в первую очередь, с тем, что лица, проживающие в жилище, где производится обыск или выемка, не являются участниками уголовного судопроизводства, следовательно, не могут осуществлять процессуальные права, а равно выполнять процессуальные обязанности. В этой связи заслуживает внимания предложение В.Ю. Юрова о расширении круга лиц, наделенных процессуальным статусом, за счет отнесения к ним «лиц, вовлеченных в уголовный процесс» и о наделении их процессуальными обязанностями и правами³. К последним можно отнести заявление ходатайств, принесение жалоб на действия и бездействия лиц, ведущих процесс, если они непосредственно затрагивают их права и свободы, ознакомление с основаниями и мотивами таких действий, и т.п.

Такой подход, по моему мнению, не только соответствует этическим требованиям уважения личности, соблюдения ее законных прав и интересов, но и в полной мере согласуется с общим назначением уголовного судопроизводства. Так, в соответствии с п.2 ч.1 ст.6 УПК РФ, назначение всего уголовного судопроизводства состоит в защите личности

¹ Цит. по: Хитрова О.В. Указ. соч. – С.39.

² О роли и функции понятого в уголовном процессе см. подробнее: Павлов Н.Е. Субъекты уголовного процесса. – М.: Новый юрист, 1997. – С.124-125; Субъекты (участники) уголовного процесса / Сост. Л.И. Лавдаренко. – Иркутск: Изд-во Вост.-Сиб. Ин-та МВД РФ, 1999. – С.59,65.

³ См. подробнее: Юров В.Ю. Указ. статья. – С.128-129.

от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, а также ограничения ее прав и свобод. По смыслу данной нормы указанное положение должно распространяться не всех граждан на территории Российской Федерации, в том числе и на тех, которые не являются участниками процесса, но вовлечены в сферу уголовно-процессуальных отношений.

Еще одной проблемой, не разрешенной в полной мере на законодательном уровне, является нормативное урегулирование тайны предварительного расследования, которая непосредственно связана с действием принципа гласности при производстве по делу, реализация которого означает открытость уголовного процесса для его участников, а также общественности, возможность ознакомления с ходом процесса и его обсуждения¹. Институт тайны предварительного расследования является гарантией защиты личных тайн граждан, поддержания их авторитета в обществе, следовательно, обладает глубоким нравственным содержанием, а деятельность по обеспечению тайны расследования соответствует всем требованиям профессиональной этики следователя.

И.В. Смолькова подчеркивает, что разглашение сведений о лице, а порой и о ходе расследования может повлечь существенные нарушения прав и законных интересов граждан, а также раскрытие охраняемых законом личных тайн². Вместе с тем, ни в одном из изученных автором уголовных дел от участников уголовного судопроизводства не отбиралась подписка о неразглашении данных расследования.

В этой связи необходимо отметить, что ст.161 УПК РФ содержит норму о недопустимости разглашения данных предварительного расследования: данные о частной жизни участника уголовного судопроизводства могут быть переданы гласности только с его согласия. Подписка о неразглашении данных предварительного расследования, отобранная у лиц, участвовавших в следственном действии, возлагает на них обязанность не разглашать сведения, ставшие им известными. Данная редакция нормы, регулирующей тайну расследования, имеет, по моему мнению, ряд недостатков.

Во-первых, законодатель предоставляет органу расследования право самостоятельно решать вопрос о необходимости возложения на участников процесса обязанности не разглашать полученные данные. Это лишний раз подчеркивает, что уголовно-процессуальный институт тайны

¹ См. подробнее: Дюрягин И.Я. Гласность и тайна в уголовном процессе // Российский юридический журнал. – 1995. – №4 (8). – С.38; Макарова З.В. Гласность советского уголовного судопроизводства // Известия вузов. Правоведение. – 1986. – №3. – С.91-93.

² См.: Смолькова И.В. Проблемы охраняемой законом тайны в уголовном процессе.... – С.187.

расследования рассматривается исключительно как гарант защиты публичных интересов.

Во-вторых, неприкосновенность законных интересов частных лиц защищается процессуальным законом лишь тогда, когда эти лица наделены предусмотренным в законе процессуальным статусом, т.е. являются участниками процесса.

Представляется, что положение ч.4 ст.161 УПК РФ вступает в противоречие с ч.1 ст.23 и ч.1 ст.24 Конституции РФ, закрепляющими право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести, доброго имени, а также недопустимость использования и распространения информации о частной жизни лица без его согласия. Зачастую следственные действия, ограничивающие право лица на неприкосновенность жилища, проводятся в помещениях граждан, которые не являются участниками процесса. В ходе таких процессуальных действий участвующим в них лицам могут стать известными отдельные обстоятельства интимной и иных сторон жизни граждан. Поэтому во избежание указанных выше противоречий следовало бы ограничить процессуальную самостоятельность следователя в принятии решения о необходимости отобрания от участников следственных действий подписки о неразглашении данных предварительного расследования. На лицо, ведущее процесс, целесообразно возложить обязанность отобрания такой подписки во всех случаях, когда в результате проведения следственного действия им станут известны имеющие значение для дела обстоятельства частной жизни граждан. С этической точки зрения представляется также правильным предложение о том, чтобы в присутствии участников следственного действия должностное лицо органа расследования не оглашало содержания тех документов личного характера, которые не относятся к делу¹.

На мой взгляд, процессуальную самостоятельность следователя необходимо ограничить и в тех случаях, когда после предъявления постановления о производстве обыска следователь предлагает выдать предметы и документы, имеющие значение для дела. Согласно ч.3 ст.170 УПК РСФСР, если они выданы добровольно и нет оснований опасаться сокрытия разыскиваемых предметов и документов, следователь **имеет право** не производить дальнейших поисков. Данная норма не претерпела существенных изменений в ходе обсуждения и принятия нового процессуального закона и нашла свое закрепление в п.5 ст.182 УПК РФ. Представляется, что с этической точки зрения при отсутствии оснований для дальнейших поисков лицо, ведущее процесс, не только вправе, но и обязано не приступать к производству обыска.

---

¹ См., напр.: Быховский И. Указ. статья / И. Быховский, Н. Захарченко. – С.38.

К сожалению, УПК РФ не содержит указания на необходимость присутствия во время проведения выемки или обыска в жилище лица, в нем проживающего. Более того, несмотря на нормативное закрепление и самостоятельное провозглашение такого принципа уголовного процесса, как обеспечение подозреваемому и обвиняемому права на защиту (ст.16 УПК РФ), законодатель в некоторых случаях поставил возможность его реализации в зависимость от усмотрения стороны обвинения. Так, п.5 ст.53 УПК РФ предоставляет защитнику право участвовать в следственных действиях, проводимых с участием подозреваемого, либо по его ходатайству или ходатайству самого защитника в том порядке, который установлен процессуальным законодательством. Этот порядок применительно к производству следственных действий, ограничивающих неприкосновенность жилища, установлен в п.11 ст.182 УПК РФ, где указано, что защитник может присутствовать при обыске только с разрешения следователя. Тем более вызывает возражения указанная формулировка в части допуска к участию в следственном действии с согласия следователя адвоката того лица, в жилище которого производится следственное действие. В данном случае речь идет о тех лицах, которые не являются обвиняемыми или подозреваемыми, а выступают иными участниками процесса либо не наделены никаким процессуальным статусом. В силу того, что действие принципов уголовного процесса (в том числе и охрана прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве, предусмотренный ст.11 УПК РФ) распространяется только на участников уголовно-процессуальных отношений, законные интересы иных лиц в ходе осуществления уголовно-процессуальной деятельности остаются незащищенными, что лишний раз указывает на различное смысловое содержание понятий «законный интерес» и «интерес, охраняемый законом».

Осмотр места происшествия

Производство осмотра наряду с обыском и выемкой также может сопровождаться ограничением конституционного права граждан на неприкосновенность их жилища. В этой связи предложения по совершенствованию законодательства, высказанные ранее, могут быть отнесены и к урегулированию процессуальной деятельности при проведении осмотра в жилище.

В новом процессуальном законе содержатся правила проведения указанного следственного действия, подчеркивающие его специфику. В частности, в отличие от порядка производства обыска и выемки законодатель предоставляет возможность органу расследования осмотреть

жилище без получения судебного разрешения, что возможно при наличии согласия лица, проживающего в данном жилище. Закрепление в УПК РФ (п.3 ст.177) такого правила требует, на мой взгляд, дополнительной регламентации для приведения процессуальной деятельности в ходе осмотра жилища в соответствие с этическими требованиями.

Анализируя основания признания законности производства обыска в США, М.А. Пешков выделил наличие добровольного согласия на обыск¹. Учитывая безусловную принудительную природу такого следственного действия, как обыск, российский законодатель совершенно обоснованно, на мой взгляд, ограничил действие института добровольного согласия лица только случаями производства осмотра, сопряженного с ограничением неприкосновенности жилища. Однако при этом следовало бы предусмотреть ряд дополнительных условий, которые необходимо соблюсти при получении согласия гражданина на осмотр его жилища. Так, в процессуальном законе должны найти свое закрепление следующие положения:

1. Согласие лица не должно быть вынужденным, а также явиться следствием ложного информирования гражданина. Именно такого подхода придерживался Верховный Суд США по делу Бампера в 1968 году, когда полицейские ложно уведомили хозяйку дома, что в их распоряжении находится санкция на обыск. В ответ на это она согласилась на производство обыска в ее жилище. Верховный Суд США признал ее согласие недействительным по причине его получения под принуждением, которое выразилось в приказе подчиниться законным требованиям властей².

2. При выяснении возможности производства осмотра без судебного разрешения лицо должно быть предупреждено о своем праве не давать согласия на производство следственного действия в его жилище без решения суда³.

3. Такое согласие должно быть дано в присутствии понятых, зафиксировано в протоколе следственного действия и подтверждено подписью лица, давшего согласие.

4. С этической точки зрения даже в случаях, не терпящих отлагательства, следственное действие должно быть начато с выяснения добровольного согласия лица на осмотр своего жилища. В дальнейшем

¹ См. подробнее: Пешков М.А. Обыск без ордера в уголовном процессе США // Юрист. – 1998. – №3. – С.56.

² См. подробнее: Махов В.Н. Указ. соч. / В.Н. Махов, М.А. Пешков. – С.100-101.

³ Следует отметить, что американское процессуальное законодательство не содержит аналогичного правила при производстве следственных действий. Обязанность полицейских предупреждать лиц об их конституционных правах распространяется только на закрепленную в Конституции гарантию от самообвинения.

только при его отсутствии следователь может руководствоваться положением ч.5 ст.165 УПК РФ. Указанная норма предусматривает возможность проведения осмотра в жилище без судебного решения, когда проживающие в нем лица не дают на это своего согласия, если при этом случай не терпит отлагательства. Таким образом, законодатель учел высказанные в юридической литературе предложения процессуалистов по данному вопросу¹.

2.3. Этические начала производства следственных действий, ограничивающих неприкосновенность частной жизни граждан

Как и неприкосновенность жилища, неприкосновенность частной жизни граждан декларативно была провозглашена в ст.36 Конституции СССР 1977 года, которая содержала следующую формулировку: «Личная жизнь граждан, тайна переписки, телефонных переговоров и телеграфных сообщений охраняется законом». Иными словами, вплоть до принятия в 1993 году Конституции РФ на конституционном уровне не нашли своего закрепления гарантии реального осуществления этого права.

Учитывая положения, содержащиеся в ст.12 Всеобщей декларации прав человека, ст.8 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, а также в ряде иных международных правовых актов, в ст. 23 Конституции РФ было закреплено право каждого гражданина на неприкосновенность его частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени; ограничение права лица на сохранение в тайне сведений, содержащихся в переписке, телефонных переговорах, почтовых, телеграфных и иных сообщениях, допускается только по судебному решению.

Бесспорно, наиболее остро проблема реализации данного конституционного положения стоит в сфере осуществления уголовно-процессуальной деятельности, где не достигается абсолютного обеспечения неприкосновенности частной жизни граждан.

В этой связи Г.Д. Мепаришвили указывал, что неприкосновенность личных сведений граждан является существенной социальной ценностью. Однако при производстве по уголовным делам предпочтение отдается иной, более важной ценности – раскрытию преступлений, изобличению виновных и обеспечению правильного применения закона с тем, чтобы каждый, совершивший преступление, был подвергнут справедливому

---

¹ См., напр.: Чувилев А. Применение конституционных норм в уголовном судопроизводстве // Российская юстиция. – 1994. – №2. – С.7.

наказанию и ни один невиновный не был осужден². Основанием для такого утверждения явились законодательно закрепленные в ст.2 УПК РСФСР задачи уголовного судопроизводства.

Изменившееся понимание роли и назначения уголовного судопроизводства (ст.6 УПК РФ) обуславливает необходимость переоценки с позиции нравственных начал урегулированных новым процессуальным законодательством оснований, условий и порядка производства следственных действий, существенно ограничивающих право лица на неприкосновенность его частной жизни. Более того, как совершенно обоснованно подчеркивал еще в начале XX века немецкий юрист Липман, «уголовный процесс выполняет свою задачу лишь при том условии, если он одновременно с защитой государства от преступных посягательств способен защитить и гражданина от государства, от опасных ошибок и злоупотребления государством своей силой»¹. С учетом вышеизложенного считаю необходимым остановиться на этических аспектах производства таких следственных действий, как контроль и запись переговоров, а также наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотр и выемка.

Контроль и запись переговоров

Данное следственное действие представляет собой глубокое вторжение в личную сферу граждан, охраняемую Конституцией. Однако законодательное закрепление его сущности и природы было различным. Так, с принятием Закона СССР от 12 июня 1990 года², прослушивание телефонных и иных переговоров приобрело двойственную природу, т.е. возникла возможность его проведения как в качестве оперативно-розыскного мероприятия, так и следственного действия. Процессуалисты в связи с внесенными в указанный правовой акт изменениями подчеркивали, что их целью явилось стремление законодателя совместить интересы публичного расследования с необходимостью строгого соблюдения конституционных прав и свобод граждан путем закрепления ряда ограничений³.

² См. подробнее: Мепаришвили Г.Д. О неприкосновенности личной документации граждан в уголовном процессе // Государство и право. – 1996. – №1. – С.77.

¹ Там же. – С.76.

² О внесении изменений и дополнений в Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик: Закон СССР от 12 июня 1990 г. // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета СССР. – 1990. – №26. – Ст.495.

³ См. подробнее: Данилюк С., Виноградов С., Щерба С. Как прослушать телефонный разговор // Законность. – 1991. – №2. – С.32.

Вместе с тем, положения любого нормативно-правового акта могут применяться лишь в части, не противоречащей нормам правового документа, принятого позднее и регулирующего ту же группу общественных отношений. В данном случае таким актом явился УПК РСФСР, в который соответствующих изменений внесено не было.

Двойственная сущность прослушивания переговоров сохранилась и в положениях Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности». Еще более усложнил ситуацию Закон РФ от 20 марта 2001 года «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с ратификацией Конвенции и защите прав человека и основных свобод», внесший изменения в УПК РСФСР, в частности, дополнивший кодекс ст.174¹ «Контроль и запись переговоров».

Принятием указанных законодательных актов было достигнуто несколько целей. Так, контроль и записи переговоров придан безусловный статус следственного действия, который нашел свое нормативное закрепление и в УПК РФ (ст.186). Кроме того, конкретизировано название данного процессуального действия, на что в свое время обращали внимание некоторые процессуалисты¹. В этой связи Е. Доля указывал, что «недопустимо смешивать... в законе различные по своей природе предметы правового регулирования. Существо рассматриваемого следственного действия должно состоять не в прослушивании следователем... телефонных и иных переговоров, а в контроле и фиксации... на записывающие технические средства содержания данных переговоров»².

Наименование любого следственного действия предопределяет, на мой взгляд, специфику его целей и оснований производства, которые также могут соответствовать или противоречить общим этическим требованиям.

Процессуалисты неоднократно подчеркивали специфику российского уголовного процесса, разделенного на два самостоятельных больших этапа³: досудебный этап, характеризующийся как письменный и инквизиционный, а также судебный, для которого свойственен устный и состязательный характер производства. Закрепление в УПК РФ такого принципа, как состязательность сторон, не изменило ситуации, так как по

¹ См., напр.: Майорова Л.В. Охрана конституционных прав граждан в уголовном судопроизводстве // Правовые и организационно-тактические проблемы борьбы с преступностью в Сибирском регионе: Сб. матер. науч.-практ. конф. Часть.1 – Красноярск: Красноярск. высш. шк. МВД России, 1998. – С.138.

² Цит. по: Доля Е. Прослушивание телефонных и иных переговоров – следственное ли это действие? // Советская юстиция. – 1992. – №19-20. – С.12.

³ См. подробнее: Колоколов Н.А. Проект УПК РФ: суждено ли нам сейчас пройти тернистый путь от иллюзий к реальности? // Российский следователь. – 2001. – №4. – С.14; Руднев В. О состязательности на предварительном следствии // Уголовное право. – 1999. – №1. – С.86-88.

смыслу ст.15 УПК РФ действие этого принципа по-прежнему распространяется только на судебные стадии процесса. Следствием явился обвинительный уклон процессуальной деятельности на досудебных стадиях процесса – в частности, при осуществлении следственных действий, ограничивающих неприкосновенность частной жизни.

Можно выделить следующие фактические основания производства контроля и записи переговоров:

- 1) наличие достаточных оснований полагать, что телефонные и иные переговоры могут содержать сведения, имеющие значение для дела;
- 2) угроза совершения насилия, вымогательства и других преступных действий в отношении лиц, указанных в ч.2 ст.186 УПК РФ.

С этической точки зрения представляется совершенно обоснованным расширительное действие второго основания, когда по заявлению граждан допускается прослушивание переговоров при наличии угрозы совершения в отношении лиц, перечисленных в законе, противоправных действий, целью которых является не только изменение этими лицами ранее данных показаний (как это предусмотрено в ст.174¹ УПК РСФСР), но и совершение иных действий или принятие решений, четко в законе не установленных. Думается, что такой подход в полной мере согласуется с целью уголовного процесса по защите личности, ее прав и свобод от необоснованного или незаконного ограничения. Отсутствие в данном случае прямой зависимости контроля переговоров участников процесса, их близких родственников, родственников и близких лиц от категории совершенного преступления также следует признать нравственно оправданным.

Вместе с тем, необходимо указать на те недостатки, которые лишают уголовно-процессуальную деятельность ее нравственного содержания. В частности, должно быть конкретизировано фактическое основание ограничения права лица на неприкосновенность его частной жизни при производстве анализируемого следственного действия. В соответствии с ч.1 ст.131 УПК РСФСР следователь не имел права отказать участниками процесса в производстве следственных действий, если обстоятельства, об установлении которых они ходатайствуют, имели значение для дела. К последним относились и те, которые оправдывали обвиняемого или смягчали его ответственность (ч.1 ст.20 УПК РСФСР). Закрепление такого положения в Главе 15 «Ходатайства» УПК РФ отсутствует. Законодатель ограничился предоставлением участниками процесса права заявлять ходатайства (ч.1 ст.119). Не конкретизировано это полномочие и в Главе 21 УПК РФ, посвященной общим условиям предварительного расследования. В соответствии со ст.159 УПК РФ подозреваемому, обвиняемому, его защитнику, потерпевшему, гражданскому истцу, гражданскому ответчику, а равно их представителям не может быть отказано в производстве

следственных действий, когда устанавливаемые обстоятельства могут иметь значение для дела. Однако правило данной нормы вступает в противоречие с ч.3 этой же статьи, где сказано, что в случае отказа (полного или частичного) в удовлетворении ходатайства, лицо, ведущее процесс должно вынести постановление. Более того, процессуальный закон не содержит положения, аналогичного закрепленному в ст.20 УПК РСФСР. В то же время, согласно ст. ст. 38-41 УПК РФ, следовательно, начальник следственного отдела, орган дознания и дознаватель отнесены к участникам уголовного судопроизводства, выступающим на стороне обвинения.

На основании вышеизложенного и во избежание двойственного толкования положения ч.1 ст.186 УПК РФ считаю необходимым предусмотреть такое основание производства контроля и записи переговоров, как ходатайство подозреваемого, обвиняемого, его защитника об осуществлении данного следственного действия в целях получения сведений, подтверждающих непричастность лица к совершенному преступлению¹.

Применение данного положения возможно при соблюдении следующих условий.

1. Реализация права лица на обращение с указанным ходатайством не может быть поставлена в зависимость от категории совершенного преступления.

2. Осуществление данного права должно влечь для органов расследования обязанность принятия мер по производству данного следственного действия.

Юридическим основанием для проведения контроля и записи переговоров является ходатайство лица и постановление следователя, санкционированное судом. По моему мнению, в случаях, предусмотренных ч.2 ст.186 УПК РФ, осуществление рассматриваемого следственного действия может быть признано этически допустимым только по ходатайству указанных в законе лиц, которое является подтверждением их согласия на ограничение права на неприкосновенность частной жизни и тайны сообщений. Во всех остальных случаях представляется неэтичным вмешательство в личные тайны граждан без их волеизъявления. Однако необходимо отдельно закрепить обязанность органов предварительного

---

¹ Справедливо отметить, что аналогичное предложение было высказано ранее в процессуальной литературе. Однако оно не сопровождалось необходимым обоснованием и не могло учесть положений, сформулированных в новом процессуальном законодательстве, так как касалось проблем применения на практике положений ст.35¹ Основ уголовного законодательства (См. подробнее: Комлев В. О порядке прослушивания телефонных переговоров // Законность. – 1991. – №7. – С.54).

расследования разъяснять участникам процесса их право на заявление соответствующего ходатайства в целях защиты своих частных интересов.

Регламентируя порядок проведения контроля и записи переговоров, законодатель прямо указал на те категории лиц, чьи переговоры могут быть прослушаны:

- 1) участники процесса (подозреваемый, обвиняемый, потерпевший, свидетель);
- 2) близкие родственники потерпевшего и свидетеля (супруг, супруга, родители, дети, усыновители, усыновленные, родные братья и сестры, дедушка, бабушка, внуки (п.4 ст.5 УПК РФ);
- 3) родственники потерпевшего и свидетеля (все иные лица, за исключением близких родственников, состоящие в родстве (п.37 ст.5 УПК РФ);
- 4) близкие потерпевшему и свидетелю лица (иные за исключением близких родственников и родственников лица, состоящие в свойстве с потерпевшим и свидетелем, а также лица, жизнь, здоровье, благополучие которых дороги потерпевшему или свидетелю в силу сложившихся личных отношений (п.3 ст.5 УПК РФ);
- 5) иные лица, которые могут обладать сведениями, имеющими значение для дела.

С учетом того, что лица, перечисленные выше (за исключением участников процесса), оказываются вовлеченными в сферу уголовно-процессуальных отношений, требуются дополнительные гарантии для соблюдения прав и свобод таких граждан, а равно – для обеспечения законного и обоснованного их ограничения.

С учетом вышеизложенного, думаю, следует изменить содержание п.7 ст.186 УПК РФ. Ее нынешняя редакция дает основания утверждать, что осмотр и прослушивание фонограммы зафиксированных переговоров могут быть проведены в отсутствие лиц, чьи переговоры записаны. Более того, участие понятых, исходя из смысла указанной нормы, требуется только на момент составления протокола следственного действия: «О результатах осмотра и прослушивания фонограммы следователь с участием понятых и при необходимости специалиста, а также лиц, чьи телефонные и иные переговоры записаны, составляет протокол». Дальнейшее содержание п.7 ст.186 УПК РФ, закрепляющего право лиц, участвовавших в осмотре и прослушивании фонограммы, излагать свои замечания к протоколу, не вносит ясности в решение проблемы, т.к. опирается на ранее изложенную формулировку и дополняет ее.

Таким образом, редакция данной нормы должна выглядеть, как представляется, следующим образом: «Осмотр и прослушивание фонограммы переговоров следователь осуществляет с участием понятых, а

также лиц, чьи телефонные и иные переговоры записаны, и при необходимости специалиста с составлением протокола. В протоколе должна быть дословно изложена та часть фонограммы, которая, по мнению следователя, имеет отношение к данному уголовному делу. Лица, участвовавшие в осмотре и прослушивании фонограммы, вправе в том же протоколе или отдельно изложить свои замечания к протоколу».

Неявка лица, чьи переговоры были прослушаны, может в дальнейшем повлечь недопустимость полученного вещественного доказательства. Поэтому представляется возможным внесение необходимых изменений в институт привода и предоставление следователю права подвергнуть лицо, чьи переговоры были прослушаны, принудительному приводу, когда оно добровольно не является по вызовам, для участия в следственном действии. В соответствии с ч.2 ст.111 УПК РФ привод рассматривается как иная мера процессуального принуждения и применяется к участникам процесса в случаях их неявки без уважительных причин (ч.1 ст.113 УПК РФ). Такой подход, бесспорно, не будет противоречить провозглашенным уголовно-процессуальным принципам, если, как уже было отмечено ранее, лиц, чьи переговоры прослушиваются и не обладающих процессуальными правами и обязанностями, включить в группу участников, вовлеченных в уголовный процесс.

На мой взгляд, присутствие в следственном действии негласных моментов не позволяет говорить о нравственном характере сопутствующей его проведению процессуальной деятельности. В связи с этим следует согласиться с Ю.И. Стецовским, утверждавшим, что законодательное ограничение гражданских прав и свобод должно обладать свойством формальной определенности, т.е. устанавливаемые ограничения должны быть четкими и понятными, а сама норма не должна допускать произвольного толкования¹.

Таким образом, этика данного следственного действия определяется его детальной регламентацией, четкой фиксацией в процессуальных документах, гарантиями законности и обоснованности ограничения конституционных прав граждан, а также соразмерностью такого ограничения с поставленными целями².

¹ См.: Стецовский Ю.И. Указ. соч. – С.413-414.

² О необходимости четкой законодательной регламентации контроля и записи переговоров см. подробнее: Козырев Г. Документирование прослушивания и звукозаписи телефонных и иных переговоров // Законность. – 1993. – №4. – С.35; Пешков М. Прослушивание и электронное наблюдение в уголовном процессе США // Российская юстиция. – 1997. – №4. – С.56.

Наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотр и выемка

В отличие от ст.174 УПК РСФСР, порядок производства этого следственного действия в УПК регламентирован более подробно. В частности, законодатель закрепил условия наложения ареста на почтово-телеграфную корреспонденцию – наличие достаточных оснований полагать, что предметы, документы или сведения, имеющие значение для дела, могут содержаться в почтово-телеграфных отправлениях либо телеграммах или радиограммах (ч.1 ст.185). Как Проект №1, так и Проект №2 аналогичным образом фиксировали основание ограничения права граждан на тайну отправлений и сообщений, но несколько в иной редакции.

Вместе с тем, такая формулировка является расплывчатой и не позволяет четко выделить цели, преследуемые наложением ареста на почтово-телеграфную корреспонденцию, ее осмотром и последующей выемкой. В этой связи следует согласиться с И.В. Смольковой, которая выделила следующие цели осуществления данного следственного действия:

1. Получение информации доказательственного характера о преступлении, его участниках, местах сокрытия орудий и объектов преступной деятельности.
2. Временное прекращение переписки между обвиняемым (подозреваемым) и другими лицами для пресечения преступных связей между ними.
3. Розыск скрывшегося обвиняемого (подозреваемого).
4. Обеспечение наложения ареста на имущество обвиняемого (подозреваемого) в виде денежных переводов, посылок¹.

Ни в УПК РСФСР, ни в новом процессуальном законе не указан круг лиц, на чью корреспонденцию может быть наложен арест. На мой взгляд, исходя из назначения данного следственного действия и целей его осуществления, а также руководствуясь требованиями нравственности, следователь может наложить арест, осмотреть и изъять почтово-телеграфную корреспонденцию лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления. В таком аспекте считаю возможным внесение изменений в ч.3 ст.185 УПК РФ, перечисляющей обстоятельства, которые должны найти свое отражение в ходатайстве следователя, в части указания не только ФИО обвиняемого (подозреваемого, подсудимого), являющегося отправителем, но и получателем корреспонденции. Указанные изменения позволят, с одной стороны, избежать ограничения права граждан на тайну

¹ См.: Смолькова И.В. Проблемы охраняемой законом тайны в уголовном процессе.... – С.163.

переписки, в отношении которых не осуществляется уголовного преследования, а, с другой стороны, осматривать, а также изымать не только отправления, исходящие от лица, но и предназначенные для него.

Таким образом, следует констатировать, что основной гарантией придания этического характера уголовно-процессуальной деятельности является детальная регламентация производства следственных действий.

К сожалению, в настоящее время, частичное нормативное урегулирование этических сторон деятельности лица, ведущего процесс, касается только тех граждан, которые наделены процессуальным статусом (потерпевшего, обвиняемого, подозреваемого и т.п.). Это подтверждается, в частности, положением ч.1 ст.9 УПК РФ, где сказано о недопустимости осуществления действий, принятия решений и допущения обращения, унижающих честь **участника уголовного судопроизводства**. Запрет применения насилия, пыток, другого унижающего человеческое достоинство обращения по смыслу ч.2 ст.9 УПК РФ также распространяется только на участников уголовного процесса. Возложение на органы и их должностных лиц, наделенных властными функциями в процессе, обязанности по обеспечению возможности осуществления предоставленных прав касается исключительно подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика, а также других участников процесса. Такое узкое действие уголовно-процессуальных принципов противоречит нравственным требованиям, получившим законодательное закрепление в Конституции РФ, а также общему назначению уголовного процесса, состоящему в защите личности от незаконного или необоснованного ограничения ее прав и свобод. Следовательно, гарантии этики производства следственных действий устанавливаются положениями, зафиксированными в Конституции РФ, а также в нормах международного права. К сожалению, некоторые положения федерального уголовно-процессуального законодательства противоречат конституционным требованиям, так как сужают состав лиц, на которых должны распространяться их требования в сфере осуществления производства по уголовным делам.

Вместе с тем, нравственное содержание действующих законов само по себе не придаст процессуальной деятельности этического характера, так как «законы, защищающие человека, декларирующие его права, не достигнут ... нужного результата, если не добиваться его исполнения.... Только тот этого добивается с наилучшим результатом, кто всем своим существом способен доказать высокую нравственность своих убеждений и требований»¹.

---

¹ Цит. по: Сергеев В.И. Нравственная позиция адвоката – залог успеха в защите людей // Юрист. – 2000. – №4. – С.13.

В этой связи необходимо отметить, что поведение должностных лиц органов предварительного расследования при осуществлении ими следственных действий не является предметом правового регулирования. Все вопросы придания поведению субъектов уголовного судопроизводства нравственного характера регулируются исключительно требованиями, устанавливаемыми в рамках профессиональной этики.